

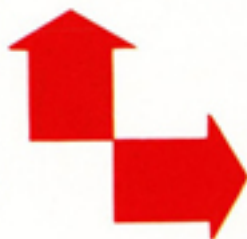
ВЛАДИМИР ХОЛОДОК

КРАСНЫЙ УГОЛОК КАПИТАЛИЗМА

100

смешных
рассказов

Владимир Холодок

Красный уголок капитализма

«Автор»

1997

ББК 84.Р7

Холодок В.

Красный уголок капитализма / В. Холодок — «Автор», 1997

ISBN 5-7529-0663-6

Новая книга екатеринбургского писателя, автора юмористических сборников «Гласность Ивановна» (1989) и «Босиком» (1990).

ББК 84.Р7

ISBN 5-7529-0663-6

© Холодок В., 1997

© Автор, 1997

Содержание

Обращение к читателю из будущего	5
До чего же мы разные	7
Нюхач	9
Частник	12
Облава	14
Ну нельзя так жить, по-богатому	17
Босиком	20
Травма	22
Как погода?	24
Взятки гладки	26
К любовнице!	29
Папаша Паша	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Холобок

Красный уголок капитализма: 100 смешных рассказов

Обращение к читателю из будущего

Моей жене Наташе посвящается

Здравствуй, мой далекий потомок. Из глубины своих веков я вижу... Ох ты какой! Гордый, неподкупный, ясномыслящий. Не пьющий, не курящий. Что тебе наше переломное время. Ты, может, уже и на русс ком-то не читаешь. Или читаешь и брезгуешь? И сразу переводишь на английский? Ну, ладно, не обижайся. Это я так, к слову. Вижу, что ты уже рубаху рванул на груди, не дашь Россию-матушку в обиду! Молодец. Тогда слушай.

Я пятнадцать лет писал эту книгу. Чтобы пробиться к тебе, чтобы рассказать, как нам всем было весело с 1981-го по 1996-й. И далее – со всеми остановками.

Конечно, ты в некоторых рассказах можешь не понять, почему это я особое внимание уделяю показанию часов: 11.00 часов, 2.00 часа дня, 7.00 часов вечера. О! – это магические цифры социализма. Это время открытия и закрытия винных отделов. Эти цифры сидят и в твоей крови. Ведь ты же начинаешь испытывать беспокойство, доходящее до отчаяния, именно в это время? В 11, в 14 и в 19. Почему? Да потому, что твои предки мужественно сражались у входа в винный магазин и, видимо, побеждали. Ведь ты же есть на белом свете. Одиннадцать, четырнадцать, девятнадцать. Три цифры. В 11.00—открывались в выходные дни. В 14.00—в будни. А в 19.00—все! Закрывались. Наступала беда. Три цифры. И два талона в месяц на человека.

Горбачев (полит. деят.) хотел искоренить пьянство, но искоренился сам. Обо всем этом ты прочтешь в главе «Винный отдел».

Конечно, ты живешь там в своем далеком изобилии и не знаешь, а как оно было до 92-го года. Ты же не знаешь, что такое дефицит и очереди. Ты же... Слушай, давай познакомимся. Я – Володя, а ты? Коля? Ну вот, познакомились, Николай. Теперь можно и на «вы» переходить. Вот, послушайте, Николай Иванович... Ну, ладно, Коля, ладно, вот послушай. Ты же не знаешь, что такое Первый закон социализма. Он гласит: «Всем все равно не хватит». Мало того, что он гласил, но он еще и действовал. Зубы починить – в очередь на два года. Тряпку какую для жены купить – в очередь. Это еще хорошо, если есть очередь. Значит, есть товар. Но его было так мало. В гостиницах – мест нет. На самолет – билеты проданы. Что такое банан на Урале, мы узнали 12 февраля 1992 года в 14 часов 15 минут. Да что я тебе рассказываю. Читай об этом в разделе «Первый закон социализма».

А все равно было весело. Чего-то строили, кому-то помогали, кому-то грозили. Детишки даже рождались. И тоже вносили свою лепту. Полистайте «Семейный альбом».

А когда Гайдар (полит. деят.) реформы объявил, потребовались предприимчивые люди. Вот тут-то комсомольцы и пригодились. Как ринулись в бизнес организованно, так коммунизму наступил капут. Так что комсомольцы – могильщики коммунизма. Потом к ним спортсмены подключились, потом – афганцы. А уж когда из тюрем ребята-цеховики вышли, тут и расцвел бутон изобилия.

Так что помни, Коля, какие люди тебе мостили дорогу в светлое будущее. И я был среди них. Я и сейчас неплохо живу. У меня даже машина есть. А у тебя – самолет? А-а, ну тогда конечно.

А я так скажу, Коля, хоть у меня и нет самолета, но я летаю. Как хорошо взлететь над белым, чистым листом бумаги. Кайф! Покружиться над ним, покуражиться, а потом сесть где-нибудь в уголке в виде подписи:

P. S. Пока, Коля.
Живи и наслаждайся.

До чего же мы разные

Как плохо быть высоким и широким. Как плохо быть большим и длинным. Как плохо, когда на костюм тебе надо не два с половиной метра габардина, а три с половиной, а на завтрак тебе надо не три с половиной яйца, а восемнадцать и с колбасой. И на все на это – тог же оклад инженера. Точь-в-точь, как у Поросяткина, который в два раза меньше и в три раза легче меня. Он восемнадцать граммов сбросил – все заметили и поздравили его со стройностью и красотой. А я свой личный пуд сбросил – никто не заметил, но все поздравили и сказали: молодец, поправился.

Поросяткин измеряется своим ростом, а я измеряюсь высотой над уровнем моря и шириной по уровню стола. Поросяткин в автобусе – желанный пассажир, товарищ, гражданин, молодой человек, а меня зовут «скала на полтора кубометра».

И не говорите мне, что девушки проще влюбляются в больших и высоких и сложнее – в маленьких и худых. Нет, они любят всяких, главное, чтоб с мужским именем, например Женя, Шура или Валя. А маленьких они любят даже больше. Ведь зарплата того же Поросяткина в

перевод на один килограмм его живого веса в три раза выше, чем у меня. Так кого же девушки вперед полюбят, его с бутылкой коньяка и с баночкой икры или меня с рюмкой пива и шестью мисками супа? Его – вперед, меня – позже.

Совершенно ясно, что маленьким и худым экономически выгоднее. Естественный отбор идет в их пользу.

А я страдаю. Концы с концами не могу свести из-за своих габаритов. Зато Поросяткин, подлец, интенсивно кладет на книжку. И мне обидно. Два совершенно разных человека, я и Поросяткин, в день получки – близнецы. Перед лицом ведомости мы абсолютно одинаковые. Только он смеется, а я плачу. В день получки. Перед лицом ведомости.

Зато когда я прихожу домой, то начинаю смеяться. Над Поросяткиным. Получили то мы с ним одинаково, но ведь он всю работу в отделе тащит. Он неофициальный лидер, а я официальный балласт. Но меня это не касается! Положено поровну – и все! Так что все нормально. Вот только с габаритами не повезло. Но бог с ними. Зато удовлетворен морально.

Но если, не дай бог, инженерам начнут платить в зависимости от вложенного труда, что же мне делать? Ведь тогда, чего доброго, работать придется...

Нюхач

О! Столовой пахнет... А там – рестораном... У меня ню-ю-юх и-зю-мительный. Там метро... А там – цирк... Бегемотом пахнет дрессированным. От дрессированных запах тоньше, интеллигентнее. Я по запаху что хочешь определю, любого человека насквозь чую. Дал Бог нос.

Вот идет, идет, идет. Весь с иголки, очки «хамелеон». Сейчас узнаем, чем дышит, чем пахнет... Жулик. Ой, жули-и-ик, ой, матерый жулище...

...А вот маленький жулик прошел. Жу-у-уличек такой. Начинающий. Запашишко от него слабый еще, но уже ядреный.

У, меня на этих жуликов ню-ю-юх – и-зю-мительный. Шибко они пахнут нехорошо, аж чихнуть хочется.

Товарищи из районного ОБХССа узнали про мою способность, просят: Мухтар Иванович, помоги запеленговать жулье по запаху.

Я к ним в ОБХСС зашел, понюхал. Чистенько. Запахи мужские. Наши запахи – честные, принципиальные. Дали мне сотрудника в штатском, пошли мы в рейд жулье вынюхивать.

Я говорю сотруднику, куда пойдём? Жулика я где хочешь учую. Может, на мясокомбинат?

Он говорит:

– Там даже и я учую.

– Ну, тогда на базу?

Он говорит, не-е-ет, с твоим нюхом надо проверять передовое предприятие. И мы пошли. Обычное предприятие. Но передовое. Служебный вход, «Волги» стоят. А из подъезда... так жуликами веет, что нос чуть не отрывает. Я говорю, дай занюхать чем-нибудь. А то нюх отшибает. Ну, хоть профсоюзным билетом. Понюхал я билет честного человека – и в кабинет к главному. Главный – навстречу и руку жмет. А от него таким веет, что я профсоюзный билет от носа убрать не решаюсь.

Нюх отшибет. Но, смотрю, и он ко мне принюхивается. И говорит:

– О! ОБХСС явился. Пожалте нюхать.

Тоже все чует. Недаром главным сидит. Вижу, мой запах его испугал. Рубашка у него на загривке поднялась вот на столько. Схватил со стола липовую бумажку и занюхивает мой честный принципиальный запах. А я говорю: где бухгалтер?

Бухгалтер заходит и с порога давай носом дергать. Ноздри как два пылесоса работают. Прочихался и говорит:

– Не иначе ревизией пахнет.

Я им говорю:

– Сами будете сдаваться или как?

Бухгалтер говорит:

– Передовики не сдаются.

А главный добавляет:

– Вы этот вымпел видели? За первое место. Снимает вымпел и мне в нос сует. А от вымпела такой липой пахнуло, что у меня нос – набок.

Я говорю: давайте отчеты, акты, ведомости. Беру ведомость, нюхаю, говорю:

– Приписки на две тыщи.

Бухгалтер осунулся, говорит:

– На тыщу девятьсот... девяносто два.

– Ну, я же на глазок нюхаю. Так как, сдаётся?

Они говорят:

– Честные люди не сдаются.

Тогда я беру акт, нюхаю – фиктивный. Сдаётся? Не сдаются. Беру отчет, нюхаю – у меня аж глаза на лоб. Они говорят: сдаемся.

Потому нюх у меня – изюмительный.

Про меня легенды пошли. Жулье в бани бросилось, запах отмывать. В финских банях таблички висели: «Спецобслуживание». Кто не жулик – туда попасть не мог. Со стиральным порошком перебои начались. Комариная мазь в аптеках пропала. Да хоть бы и дустом намазались – я их все равно чую. Оно изнутри пахнет. Унутрянной запах от жулья. И несет чем-то не нашим. Наши-то запахи легкие, устранимые, если поработать.

В общем, в нашем районе жулье жизни не стало. Начали они вешаться. Один за другим. Вешаются на меня и просят: не погуби.

Слава обо мне до жены докатилась. Утром она встает, второй тапок найти не может. Берет первый и говорит:

– Мухтар, ко мне! Нюхай, нюхай, след.
Я ей тапок нахожу и приношу.
Сейчас в нашем районе постороннего душка уже нет. Весь народ чистый сосновый запах
дает. Озон!
С завтрашнего дня в другой район перехожу. Пусть готовятся товарищи жулики.
Нюх у меня – и-зю-мительный.

Частник

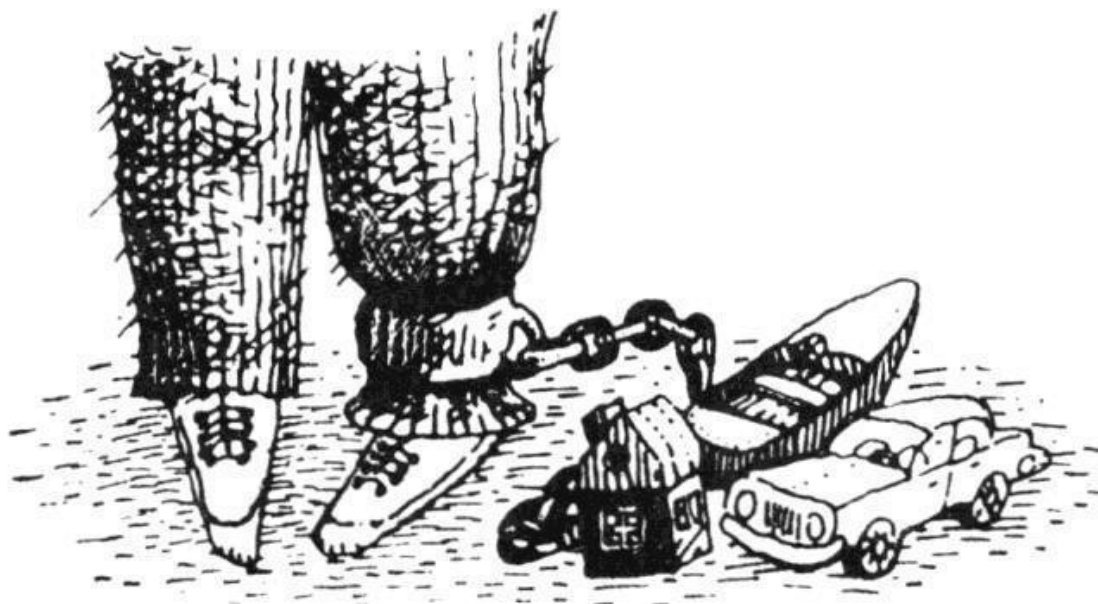
Я не наблюдательный, но я давно за ним наблюдаю. И таким собственником себя чувствую, стыдно, честно слово. У меня все свое, личное. А у него ничего личного нет. Может, поэтому он такой задумчивый.

У нас с ним – дома напротив, квартиры – окно в окно. Только у него государственная, а у меня – кооперативная. Кооперативная – значит, своя, личная. А у него своей нет. Значит, я собственник. Стыдно, честно слово.

Я от своей кооперативной квартиры отказываться пробовал. Говорю, пусть она государственной будет, деньги за нее верните, а я в ней просто жить буду. Как тот задумчивый. Что-то не приняли квартиру. Так и живу в ней. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Задумчивый едет на рыбалку на государственной машине впереди моего автобуса. А у меня дома велосипед есть. Свой. А у него и велосипеда даже нет.

Ему в ресторане на банкете счет дают. Он сидит задумчивый и руками разводит. Видимо, и денег своих нет. Профсоюз за него рассчитывается. А я в ресторане, как король какой, семьдесят пятьдесят оставил. Еще на чай дал, 30 копеек. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Люди вон живут, ничего своего не имеют и не жалуется. А я о «Жигулях» личных мечтаю. О даче личной думаю. И вот взял купил. Вилла на берегу озера. Выменял ее на велосипед. И вот вылезая я из виллы, на ноги встаю, отряхиваюсь, глядь, а напротив – особняк в три этажа. А на балконе он сидит, задумчивый. А на железных воротах – вывеска: база отдыха

трудящихся треста. У меня слеза брызнула, жалко человека, ничего своего нет. А я стою, локтем оперся на крышу своей виллы и думаю: частник я паршивый, стыдно, честно слово.

С горя пошел лодку купил. За пятерку отдали. Выгребаю на середину озера, вдруг слева меня катер обходит. За рулем – егерь, а сзади на сиденье – он, задумчивый. Я знаю, катер не личный, а государственный. А я из своей личной лодки воду пригоршнями вычерпываю и переживаю. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Думаю, натаскаю сейчас язей и всех выпущу обратно. Потому что сейчас нельзя, они икру мечут. Жду поклевки. И вот хапнуло. Крупная, даже поплавок шевельнулся. Вытащил – ерш. Снимаю его с крючка, а тут катер обратно возвращается. Они уже проверили сети. Егерю штраф за ерша я заплатил. Правда, ерша не конфисковали. У них язей пол-лодки было, говорят, к общественному столу. Я же ерша к своему личному столу хотел приспособить. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Когда лодка моя затонула, мы с ершом свободно до берега доплыли. Но там мой ерш ожил и ушел в открытое озеро. Так мне и надо. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Я бы и сейчас переживал за себя, но задумчивый исчез куда-то. А мне сказали, кто государственным любит пользоваться, того сейчас переводят на полное государственное обеспечение. Видимо, задумчивого уже перевели. А я так и живу собственником. Частник я. Зато не стыдно стало. Честно слово.

Облава

У-у, я этих частников всей кожей ненавижу! Машин накупили и ездят перед глазами укором моему пешему путешествию по жизни. Ну, как же я к нему, к такому автовладельцу, относиться должен? Когда я – в автобусе припечатан к стеклу, а он – в машине в белой рубашке? Только с ненавистью.

И я решил: так больше продолжаться не может! Надо хоть одного такого частника стереть с лица земли нашей многострадальной. Выбрал объект, стал изучать. Мужик служит профессором в университете, ездит на «Запорожце». Бросает вызов обществу своим достатком и бессовестно едет прямо перед глазами. А почему я его вы брал? – потому что гараж его прямо во дворе дома стоит. Такой железный, обшарпанный. Но ведь все равно – частная собственность.

Стал я собирать на этого профессора досье. Во-первых, почему гараж во дворе? А не за чертой города? Это же какое ему облегчение – вышел из дома, сел в машину и поехал.

Потом жалобу написал. Мол, профессор Кругляшов, хоть и уважаемый, наверное, в своем коллективе человек, а по отношению к жильцам двора ведет себя вызывающе. Все ночи напролет стучит замком об свой железный гараж и скрипит петлями ворот. А потом по несколько часов прогревает двигатель своего роскошного лимузина и травит газами всю окружающую среду: собак, кошек, жильцов дома и помидорные кусты на балконах.

Подписи под жалобой народ ставил охотно. Особенно старушки пенсионерки.

Комиссия проверила, дала нашей инициативной группе ответ, что, мол, факты подтвердились, но гараж разрешено этому Кругляшову оставить на месте, потому что он участник войны.

Вот пострел, везде поспел! И в профессора записался, и в участники.

Но после этого случая перепугался он сильно. Мы с радостью все из окон наблюдали, как он весь день петли у гаража сливочным маслом мазал, как гараж краской защитного цвета красил, как резиновые чулки на замки надевал, как вокруг гаража озеленял территорию – вишневые кустики посадил.

Потом он на поклон ко мне пришел, для переговоров.

– Извините, – говорит, – вы председатель кооператива по борьбе с частной собственностью?

Я сразу отрезал:

– Не о чем нам говорить. Я с такими только с позиции злости беседую.

Он извинился и ушел. Ну прямо такой вежливый, смотреть противно. Тьфу! Я пока ему вслед смотрел, у меня в голове следующая жалоба родилась. Мол, что на машине он ездить продолжает, а к этому добавились и другие безобразия. Например, он самовольно захватил земельный участок возле гаража и засадил его вишнями с целью спекулятивной продажи урожая. Другую часть урожая он собирается использовать для приготовления спиртных напитков. Ими он намерен угощать студенток, у которых принимает экзамены прямо в гараже.

Я когда подписи под жалобой собирал, все старушки головами качали:

– Вот бесстыжий, вот бесстыжий...

А один пенсионер посоветовал:

– Надо бы его с поличным поймать, тогда от суда он не отвертится.

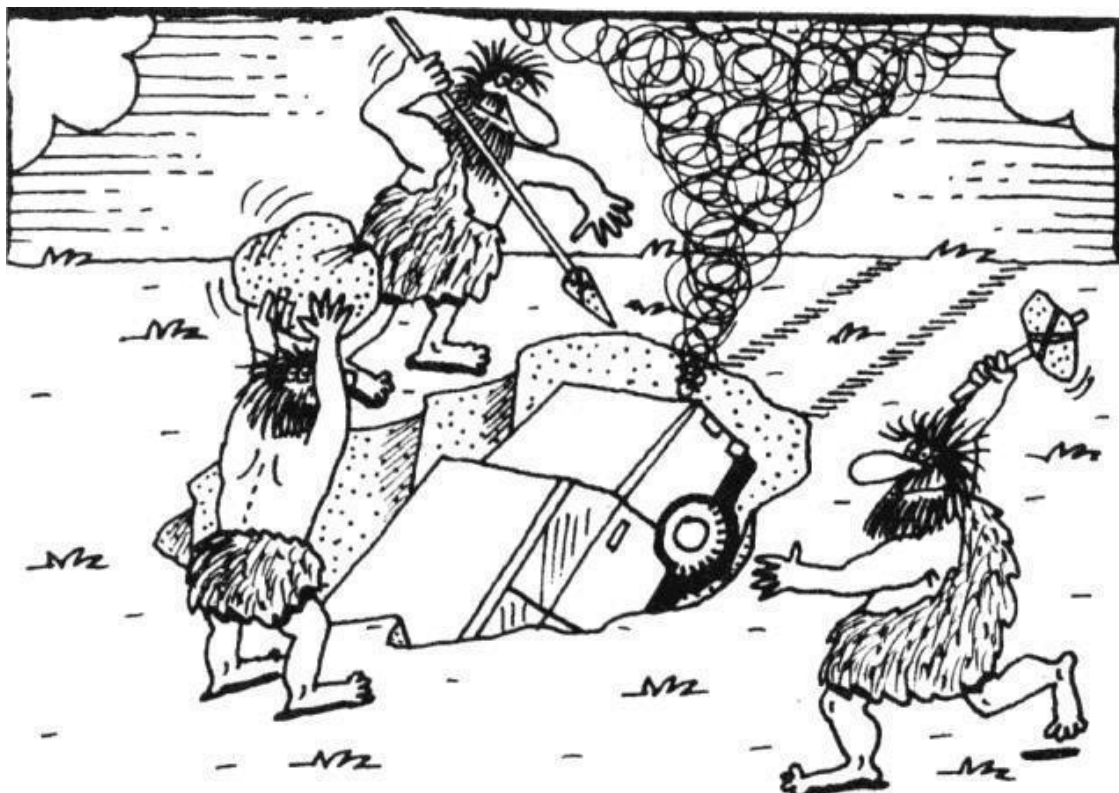
И мы всем домом устроили засаду с целью последующей облавы. В первом оцеплении у нас стояли пионеры с красными повязками. В кустах лежали пенсионеры с трещотками. А возле гаража – мы, молодежь пятидесятилетняя, с предметами домашнего обихода на изготовку.

Сутки прождали – нет профессора. Послали делегацию к жене. Она сказала, извините, он на даче. Нас всех прямо такая злость взяла. Он, видите ли, на даче отдыхает, а мы под зноем и дождем должны его караулить.

Да и потери уже несем немалые. Дети в школу не ходили. Двух старушек застудили ночью. Один пенсионер солнечный удар получил днем. Их когда в «скорую» грузили, они на прощанье шептали:

– Только живьем берите, живьем...

На третьи сутки под утро появился наш красавец. Пионеры из первого оцепления проморгали его, уснули на посту. Старушек с трещотками в кустах не осталось ни одной, все пострадали на почве погодных условий и бессонницы. Их эвакуировали по квартирам. Только мы, молодежь пятидесятилетняя, и остались один на один с врагом. Человек 16 нас всего-то. Но самые крепкие и яростные. Лежим мы за гаражом в каком-то навозе и видим: точно, он приехал. И не один – со студенткой. Вон она, на переднем сиденье, такая толстенькая. Решили мы, пусть они в гараж заедут, а там их и накроем с поличным во время сдачи зачета.

Заехали они в гараж, и минут через пять профессор там кряхтеть начал. Я скомандовал:
– В атаку!

И мы ворвались в гараж. Профессор возле машины стоит и обнимает студентку на переднем сиденье. Мы закричали:

– Руки вверх! Пусть студентка из машины выйдет. Он с испугу руки опустил. Смотрим, а на сиденье мешок картошки. Видимо, с дачи привез.

В это время из подъезда к «скорой помощи» выносили одну застуженную старушку на носилках. Она как увидела профессора, с носилок соскочила, подбежала к нему и закричала:

– Где девку прячешь, бесстыжая морда?

Профессор посмотрел на нас, посмотрел и протянул мне ключи:

– Возьмите ключи от машины, дачи и гаража.

А сам повернулся и ушел. Ну, все карты спутал. Мы, чтобы восстановить наш воинственный дух, мешок проверили – одна картошка, ни одной студентки. Пришлось ключи ему возвращать.

Ну, ничего. С завтрашнего дня меняю объект наблюдений. У нас тетка одна такого шикарного пса завела, 300 рублей щенок. По национальности сэр-Бернар. Я уже с соседями переговорил, поддержка в народе есть. Действительно, что же это мы, простые смертные, будем ходить и под взглядами хулиганов ежиться, а она своим псом этих хулиганов ежить будет. Ишь какая! Несправедливо.

Ну нельзя так жить, по-богатому

Тихо!

Демократов поблизости нет? Нет. Тогда объявляю во весь голос шепотом: я работаю революционером. На сегодня, на 24.00, у меня назначена революция. Конечно, великая социалистическая, вторая! Короче, времени мало, перехожу к делу.

Прочитал в вашей газете про то, как начальник области строит себе дачу. Ощучили вы его хорошо. Молодцы.

Конечно, сейчас все строят. Но позиция газеты правильная: если ты начальник – не моги. Народ тебя не поймет. Надо жить в землянке с лягушкой и вести прием зарубежных гостей. Тогда тебя и гости уважать будут, и народ поддержит.

Так нет же, дачи строят, причем красивые. Ну не для нас это – тяга к красивым дачам, к красивым женам, к красивой жизни. И не надо выпячивать. Вы вспомните нас, большевиков времен застоя. Съел икорки под одеялом, поурчал от счастья, и все в порядке.

Конечно, красоту и я люблю. Я, когда увижу роскошную дачу, млею. Застываю в изумлении, и желание изнутри подкатывает – сжечь! Спалить немедленно! Бензинчиком плеснуть, спичку бросить и наблюдать, как людишки пошли с верхних этажей в кальсонах, как собачки с горячей шерстью потянулись на водоем. А ты стоишь и испытываешь чувство глубокого удовлетворения, равенства и братства.

Но вернемся к даче начальника. Я статью неоднократно внимательно прочитал и понял, что для полного соблюдения социалистической законности у начальника не хватило пары справок. И это возмутительно! Потому что у нас социалистический выбор, выбирай: или ты на каждый кирпич три справки представь, или – вон из страны.

Теперь о подъемном кране. Я до боли в глазах всматривался в фотографию в газете и глазам своим больным не верил. Точно, возле дачи – кран. Ведь он же кирпич вверх подает и создает великое облегчение строителям. А так быть не должно. Надо идти через трудности.

А про бульдозер я уж и не говорю. Да я бы сам под него лег с зажигательной смесью, лишь бы он не прошел.

Ну а теперь о дачном строительстве в целом по земному шару. Да, к сожалению, еще строят. Причем строят все, и губернаторы (по-нашему председатели облисполкомов), и фермеры (по-нашему крестьяне). Строят виллы, ранчо, фазенды и, что самое возмутительное, – особняки. Причем хитро устроились. У них считается, если ты расплатился со строительной корпорацией (по-нашему СМУ), значит, все шито-крыто. А у нас – не-еет! Если построился и расплатился – иди под суд. Потому что честный человек у нас не строится, он пьет. Трезвый пьет, а пьяный спит. Два устойчивых состояния честного человека.

Спору нет, этот начальник области на фоне тех губернаторов выглядит честно. Даже как-то кристально выглядит. Да на его месте я бы уже три виллы имел. Ну, в смысле не я, а те губернаторы. Поскольку у них у каждого – по четыре и на Канарских островах – по две. Специально на островах, чтобы туда на своих яхтах ездить. А потом возвращаться в свой штат отдохнувшими и загоревшими, развезжать на машинах «Альфа-Ромео-Джульетта» и руководить так, что у их детишек от бананов животики болят.

А этот, наш начальник, я бы сказал, как-то даже замешкался, первую дачу строит. И про яхту его пока сообщений нет, хотя вроде бы возле дачи есть болотце.

Но все равно, так быть не должно. Нельзя так жить по-богатому.

Ведь как сказал наш поэт Маяковский?

«Светить, и никаких гвоздей!»

И правильно. Мы и светим задом, и гвоздей нет. Вот так и должно быть. А мы подрасплескали нашу идеологию в Атлантическом океане. И даже в Мавзолей очередь рассосалась, ушла в магазины. И демократам этим, «так называемым» возразить ничего не можем. А как им возразишь, когда у них лбы высокие, аж до ягодиц? Тут возражение одно – граната. Чтоб не мешали партии портить жизнь дальше. И вообще, демократ – это звучит «к стенке!». Поэтому я выражаю огромную благодарность журналисту, который выявил недостачу справок по даче начальника и все сфотографировал. Спасибо, ленинец! Приходи сегодня в 24.00 к нам на революцию. Потом напишешь, как мы этих богачей... Э-эх!

Босиком

И чего они у меня спрашивают все? Пристают, почему это я босиком по улице иду? А может, я на работу иду? Да. Я ведь и иду на работу. На обувную фабрику. У нас многие на работу так идут. Зато с работы – подругому, в обуви. А разве где-то не так? Зачем, например, официанту брать на работу шашлык? Или врачу – таблетки? Или таксисту – полтинник на обед? Так и я, не беру с собой обувь. Это же естественно.

Кто в столовой работает – голодный на работу идет. Кто на табачной фабрике – без единой сигареты в кармане идет. Кто на ликеро-водочном – на работу идет трезвый. И не надо спрашивать.

Я никогда не спрашиваю продавца из овощного: «Почему вы без помидор на работу идете?»

А у меня спрашивают. Утром – почему босиком? Вечером – почему в женских сапогах? Такое внимание к рядовому работнику.

А у нас на обувной просто гении есть. Вот дед Герасим мусор на лошади вывозит. У него лошадь, как и я, на работу тоже босиком идет. Зато с фабрики везет мусор в туфельках. Две пары ног – две пары туфелек. За один рейс. Правда, с лошадью тоже непросто. Бывает, противится лошадь, не хочет потом туфли снимать. Кусается. Герасим раз силой с нее снимал, так она лягнулась. Ну, туфельки погибли, а Герасим – ничего. Только туловище слегка погнул.

Дед Герасим в юности на мясокомбинате работал. У него вообще страсть к животным. Там он через проходную корову проводил. Сначала он ее дрессировал, чтобы она на задних лапах ходила и непринужденно держалась в обществе. А потом надевал на нее ватные штаны, фуфайку и оренбургский пуховый платок. И выходили они с мясокомбината с коровой под ручку. Под видом парочки.

Правда, на одной корове он пострадал. Выдрессировал он ее, принарядил, она его – под ручку, и идут через проходную. А навстречу – жена. Жена как увидела Герасима с другой женщиной, так на корову и бросилась. А корова – му-му, му-му, ничего понять не может. Держится непринужденно.

В общем, жена корову завалила, вцепилась в Коровину одежду и держит. И все это на глазах у охранника. Охранник ничего понять не может. Думает, у него в глазах двоится. А жена-то у Герасима – одна, попробуй разбери которая. А с другой стороны, разнимать надо женщин, а то плохо кончат. И охранник решил, которая, значит, сильнее и сверху – ту и оттягивать начал. А Герасим охранника начал оттягивать, чтобы, не дай бог, одежда с коровы не слетела. Но в такой суматохе разве одежда удержится? Сначала ватные штаны с коровы слетели, потом фуфайка, потом – оренбургский пуховый платок. Когда охранник увидел голую корову, то стал подозревать, что это не жена Герасима. А жена Герасима сразу поняла, что это корова. И поняла, что корова трофейная. Теперь охранник стал корову обратно на мясокомбинат загонять, а жена Герасима не хочет отдавать корову. Мясо же... и шкура... Считай, уже

почти свои были. Раз за пределами проходной. И опять суматоха началась. Но тут вмешалась милиция. Потом Герасима перевели от коров, значит, к нам на обувную. К лошади приставили.

Сам я тоже иногда неудобства испытываю. Обувь-то разная нужна. Кому – 37-й размер, кому – 49-й. А у меня-то нога – 40-й. Помню, для брата в 51-х сапогах шел. Длинные, как лыжи. Ну, стою, жду автобуса. Автобус подошел и мне на носки сапог наступил, наехал. А я и не подозреваю. Хочу в автобус зайти, а не могу. Дергаюсь. Пассажиры меня с дороги устраниют, а я не устраниюсь. Загородил дверь. Спасибо тому боксеру. Вышиб меня из сапог.

И вот так, идешь на работу, спрашивают: почему босиком? Идешь с работы – почему в комнатных тапочках? Я не такой. Никого не спрашиваю. Летом в шубах идут, в меховых шапках – пусть идут. Я не спрашиваю.

Но однажды спросил одного мужчину. Он, как и я, босиком шел. Но я точно знаю, что на обувной он не работает. Я говорю, вы на работу? Он говорит, да.

– А почему вы босиком? Вы же не на обувной работаете?

– Нет. Я в НИИ работаю, инженером.

И дальше пошлепал. А я подумал, что это йог. Как ни крути, а от них все беды. Такого пусти к нам на фабрику – он и с работы босиком пойдет. Его в пример поставят. Вот она, язва-то откуда идет. Выведем. Не посмотрим, что живучие. Раз йоги – в Индию их. Там все босиком.

Травма

Тут такой случай произошел. Приходят ребята из локомотивного депо и говорят: «Переходи к нам. Зачем этот комбинат тебе нужен? А у нас – заработки». Я думаю: еще раз схожу на комбинат и уволюсь.

Отработал нормально, иду с работы, как обычно, несу с комбината мешок сахара, к чаю. Ну и килограммов восемь дрожжей, к пирогу. В щель забора нормально вылез, метров сто по пустырю прошел. А потом не повезло – свалился в яму, вывихнул ногу. Лежу, на звезды любуюсь и думаю: производственная это травма или бытовая? Раз с работы шел – производственная. С другой стороны, сахар и дрожжи нес к чаю, могут посчитать за бытовую. А это невыгодно – сидеть по справке. Да и несправедливо! В самом деле, человек отдал все силы на производстве, поэтому не смог дотянуть до дома и травмировался. По правилам техники безопасности надо акт составлять. Но какой? Акт на травму или на хищение? Лежу, думаю. И тут вижу, по пустырю наш инженер по технике безопасности идет. Тоже с мешком! Такое везение! Только я хотел из траншеи у него проконсультироваться, он – хрясть ногой в яму и рядом лег, контуженый. Мешком сахара ему голову придавило, лежит, не шевелится. Мне пришлось по правилам техники безопасности вдуть жизнь в инженера по технике безопасности. Иначе кто же мне акт оформит на травму? Я сделал все так, как он сам нас учил. Голову ему запрокинул, освободил рот от посторонних предметов: сахара, дрожжей. И вдул в него жизнь, как положено, – по системе «рот в рот». Очнулся он и говорит: «Это не пустырь, а какое-то минное поле. Сколько здесь наших полегло!»

Я его спрашиваю:

– Ты идти можешь?

– Идти могу, соображать не могу, с головой что-то.

Я говорю:

– А я соображать могу, идти не могу, с ногой что-то.

Получалось, в сумме мы с ним за одного нормального сойдем. Который ходить и соображать может одновременно. Начали мы с ним ходить-соображать, как дальше быть. Вернее, я лежу соображаю, а он вокруг меня ходит.

Я вслух соображаю. Вот хорошо, говорю, начальству нашему. Им не надо по пустырям с мешками горбатиться. Захотел сахара к чаю – дал команду шоферу, и тот вывез пару мешков дрожжей.

Потом говорю: а что мы думаем? Оформляй два акта, что у нас с тобой обе травмы производственные.

Он отвечает:

– Здесь комиссия нужна. А в комиссии представитель профкома.

Так сказал и громко засмеялся. Я думаю: все, свихнулся, прощай, больничный. Но оказалось, он по делу смеялся. По пустырю представитель профкома шел, с мешком.

Мы залегли, ждем. Инженер по ТБ мне шепчет:

– А вдруг он пройдет, не запнется?

Представитель профкома поравнялся с нами, мы ему свистнули, он от дороги отвлекся, и – есть! – член комиссии в яме. Мы его откачали, от сахара отряхнули, спрашиваем: ну как? Он отвечает: плохо, с руками что-то. Инженер по ТБ говорит: ну и хорошо, что плохо. Надо акт на групповую производственную травму оформлять.

Профкомовец говорит:

– Да, хорошо, что члены комиссии у нас все в яме. Но два свидетеля нужны.

Тут мы все трое захохотали. По пустырю два свидетеля с мешками двигались. Мы залегли в траншее и ждем. Подпускаем их ближе, ближе, еще ближе. И тут профкомовец скомандовал:

– Огонь!

Свидетели тоже залегли, мешки бросили и – ползком отступать начали. Но мы из траншеи успели объяснить, что свои мы, что раненые у нас есть, что помощь требуется. Большое дело – взаимовыручка! Они в акте сразу расписались. Подтвердили, что все мы на трамвайной остановке травмировались. Причем с работы шли порожняком.

Две недели я на больничном сидел, чай с сахаром пил, размышлял. Ну, мешок на голову – ладно, пережить можно. А если я в локомотивное депо перейду? Вот так понесешь заднюю часть локомотива – да в яму! Тут травмой не отделаешься. И не нести нельзя. Надо жить, чтобы нести. И нести, чтобы жить.

Не-е-ет! Остаюсь на комбинате. Жить хочется!

Как погода?

Алло, Зина?.. Ну что мы с тобой о погоде да о погоде. Давай о жизни поговорим. Как там у вас... погода?.. Сколько обещали?.. Плюс шесть. А сколько дали?.. Шесть и дали. А нам плюс десять обещали, а дали только пять... Да... Пять градусов дали, а пять недодали. Я тоже думаю, додадут, раз обещали... Но мы и так привыкли. Сейчас и плюс пять теплыми кажутся. Да... А плюс шесть вообще бы счастье было. Я помню, както плюс десять обещали, а дали ноль. А потом по градусу добавлять стали: один, два, три. Так нам пять полным счастьем показались. Да. Ну прохладно, так не смертельно же.

Ну ладно, хватит о погоде. Давай о жизни поговорим. Как там у вас погода? Нормальная? Ну и хорошо.

Алло, Зина, я что звоню-то, когда мы с тобой в загс пойдем? Да. А то мама плачет и говорит, доведет она тебя до алиментов и бросит. Не бросишь? Не бросай меня, Зина, а то мама говорит, кому ты будешь потом нужен. Да. Она вообще говорит, не встретиться вам с Зиной. Мол, Зина на передовом предприятии работает, а я – на отстающем. Говорит, невеста мне нужна с родного, отстающего. Но мы обязательно встретимся, правда? Давай я к тебе приеду

и подадим заявление. Когда я приеду? У вас какой день? Вторник. Быстро вы до вторника дожили. А нам до вторника далеко. У нас только пятница. Почему? Так назначили, сказали, пока план не дадим, будут идти пятницы. Да, всего будет семь пятниц. С 30-го по 37-е число. Да нет, с 30-го по 37-е этого месяца. Этого, да. Как зачем нужно? План-то надо выполнять. Мы же сначала отчитываемся, а потом работаем. Отчитался о проделанной работе – будь добр ее выполни. Во-от. Так, может, я в среду к тебе приеду, и сразу в загс? В какую среду? Ну, которая в субботу будет. У нас же субботу перенесли на вторник, а вместо четверга будет пятница, вот я в среду к тебе и приеду.

Алло, Зина, ты меня до среды не бросишь? Не бросай меня, Зина, а то мама плачет.

Только ты меня встречай, я вечером приеду. Во сколько? А у вас сейчас сколько? Час ночи. И у нас бы час ночи был, да план за день еще не дали. У нас пока 23 часа 120 минут вечера. А нет, подожди, только что объявили 25 часов ровно. А я приеду в 27 ноль-ноль. Поезд отходит в среду ровно в 27. По четным. Но его отменили и назначили по нечетным.

Алло, Зина, ты до 27 ноль-ноль меня не бросишь? Не бросай меня, а то мама плачет. По четным...

Алло, Зина, а может, ты ко мне приедешь? Когда? Ну, приезжай на праздники в Новый год... Нет, мы еще не встречали. А вы уже встретили? Ну ты приезжай, еще раз встретим.

Алло, Зина, ты меня еще не бросила? Ты только трубку бросила? Трубку бросай, а меня нет. Мы догоним вас, и сразу – в загс. Алло, Зина?.. Трубку бросила.

Права мама. Не встретиться нам с Зиной. Надо искать невесту на родном предприятии.

Взятки гладки

Вот беда! Я говорю – со взятками совсем беда. Столкнулся я с этим делом впервые и сразу обнаружил кошмарную неорганизованность. Прихожу к секретарше и спрашиваю:

– Кому хоть давать-то? И сколько?

Она смотрит ошарашенно.

– Что давать?

– Ну, это... в конверте.

– Вам что надо, товарищ?

– Что всем, то и мне надо.

– У нас сейчас нет технической возможности, – строго пояснила секретарша.

– Я узнавал, техническая есть, но нет реальной. Чтобы она появилась, надо дать. А кому? Секретарша замолчала со мной навсегда.

Ну, разве не безобразие? Прейскурант отсутствует, списка ответственных лиц за приемку конвертов нет. Полная анархия. Хотя можно навести порядок. В приемных на стенах вывешивать таблицы – кому давать и сколько. Или в магазинах на ценниках в уголке приписывать, кому и сколько за эту вещь переплачивать. Чтобы потом со взяток взносы взимать, подходящий, за бездетность, алименты. Дело-то – государственное. Взятка – не Нобелевская премия. Должна облагаться налогами.

Мне повезло. Человечек один все объяснил, к двери нужной привел, сумму точную назвал и сам исчез. Я положил купюрки в конверт и ступил за порог. Там хозяин расхаживает, ух, здоровый, руки за спину, смотрит хмуро. Но я спокойно вручил ему конверт и руку поймал для пожатия. Он поморщился, но достал деньги и стал пересчитывать. Хмурится, шуршит, на пальцы поплеывает.

– Можете не считать, там все точно.

– В соответствии с чем точно? – взглянул он на меня сверху вниз.

– В соответствии с вашим служебным и семейным положением, а также с международным.

Он закончил и попросил добавить одну купюрку:

– Международное положение изменилось вчера.

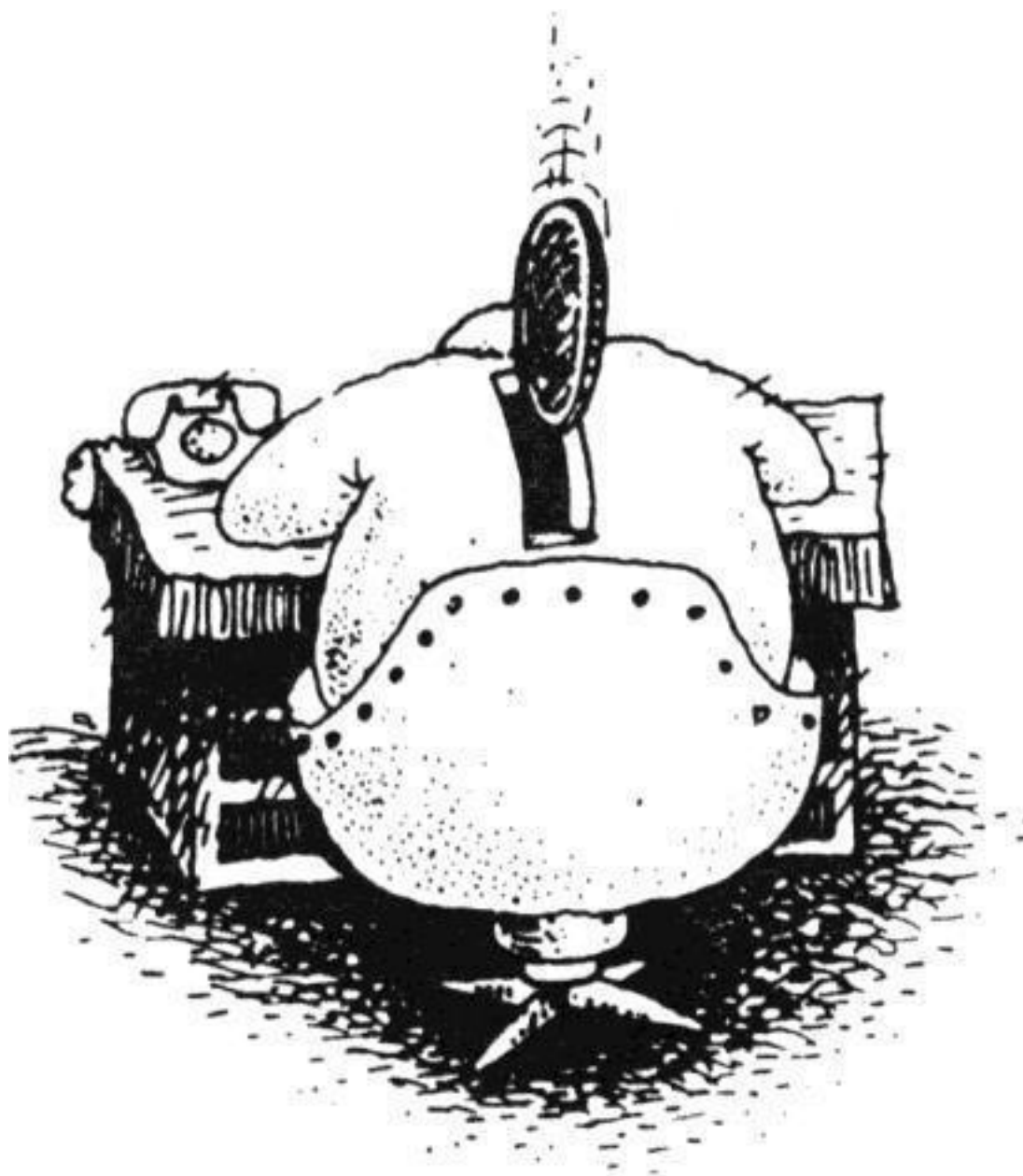
Я отдал. Он сунул все в карман и спросил:

– Начинающий?

– Он самый.

– Плохо вы начинаете. Явление это сложное, психологически тонкое, нравственно важное. А вы с порога конверт мне суετε. Я ведь мог обидеться. Взять конверт, а вас попросить за дверь. Начинать надо с беседы, с разговора. А конвертом заканчивать. Чтобы впечатление о вас осталось хорошее. И беседовать надо грамотно. Где-то недожал, где-то пережал, и все, я не возьму, не клюну. Крупным специалистом надо быть. Как по-вашему, я – крупный?

- Вы крупный.
- Правильно. Поэтому идите и ждите извещения. По нему вам все сделают.

Я ушел, потрясенный простотой процесса. Но извещения долго не было, и я повторил визит. В том же кабинете сидел тот же человек. Я еще дверь не закрыл за собой, а хозяин кабинета зычно пробасил:

– Что у вас опять?

– Извещения жду.

– А чего ждать? Добавлять надо. У нас с планом туго, премий нет, вся экономическая обстановка... тяжелая. Кто вам за просто так сделает?

Говорил он со мной запросто, как со старым знакомым. И я ему, как старому знакомому, опять вручил конвертик. Он опять пересчитал, поморщился. Я опять купюрку добавил. Он опять сказал: идите, ждите. Я опять не дождался. И снова пришел, дал. Он взял, пересчитал, поморщился. Я вручил купюрку на поморщивание.

Я любил его в эти минуты! И ревновал. К другим.

Однажды он прижал очередной конверт к груди и разрыдался:

– Пора нам расставаться.

– Как – расставаться?

– Не могу я вам это дело сделать, могут подумать, что я взятку взял.

Я сразу – купюрку сверху.

Он обмяк, пошатнулся, вынул бланк и на нем все написал. Все!

Я бланк-мечту к груди прижал, чувствую, тревога по телу ходит. И он сидит сам не свой. Пробил час расставанья. А расстаться-то мы не можем. Привыкли. Ну, как он без меня? А как я без него? В объятия бросились, глаза закрыли, стоим, плачем. Нам не жить друг без друга.

И тут он говорит с надеждой:

– Может, тебе еще что-то надо? Может, у тебя другая мечта есть?

– Есть! И третья есть!

Он строго – давай конверт. Я дал. Он пересчитал, поморщился. Я – купюру сверху. Он строго – идите, ждите.

Я пошел. Радостный! Счастливый! Идет мечта, мечте – дорогу!

К любовнице! Застойный роман

Николай Петрович Шабашов работал распределителем квартир. Вот и пришлось распределить себе двенадцатикомнатную. Распределять квартиры было очень трудно, потому что мешала законная очередь.

Николай Петрович, отобедав, уже целый час шел на работу, но никак не мог дойти. Наконец он не вытерпел и закричал:

– Лиза! Да где тут у нас выход?

Жена Лиза вышла из ванной и покачала головой:

– Перерабатываешь, Колюня. Иди пополдничай.

На полдник были опостылевшие деликатесы.

Шабашов сказал:

– Лиза, ты бы хоть раз меня картошкой в мундирах побаловала.

– Не положено тебе по должности, – ответила жена, – я бы и сама сейчас блюдо окрошки бабахнула, да что люди скажут?

– А лекарство где? – спросил Николай Петрович.

Врачи прописали ему три столовых ложки икры перед едой. От памяти. И стакан коньяку после еды – от ума.

Николай Петрович принял лекарство «до еды» и «после еды» без еды. И вздремнул прямо за столом.

Разбудил его голос Лизы:

– Колюня, вставай, пора к любовнице.

Шабашов любовницу не любил. Но Лиза строго следила за моралью.

– Что о тебе без любовницы люди подумают? – говорила она, – Подумают, что с должности тебя сняли.

Шепотом ругая свою судьбину, Шабашов стал собираться к любовнице.

– Душ прими да чистенькое все надень, – хлопотала Лиза.

Больше всего она боялась, что Шабашова разлюбит любовница, и будет у них все не как у людей. Поэтому и подарки Лиза всегда готовила сама. Она положила в рюкзак полкило золота, бриллиант из Индии по кличке Вася и трехлитровую банку французских духов. Упаковав рюкзак, Лиза спросила:

– Колюня, у тебя когда прием от трудящихся?

– С двух до шести по понедельникам.

– Ты бы на двухразовый прием перешел, что ли. А то расходы большие, и сыновья жалуются:

– Кстати, где они? – спросил Шабашов. – Давно не видно.

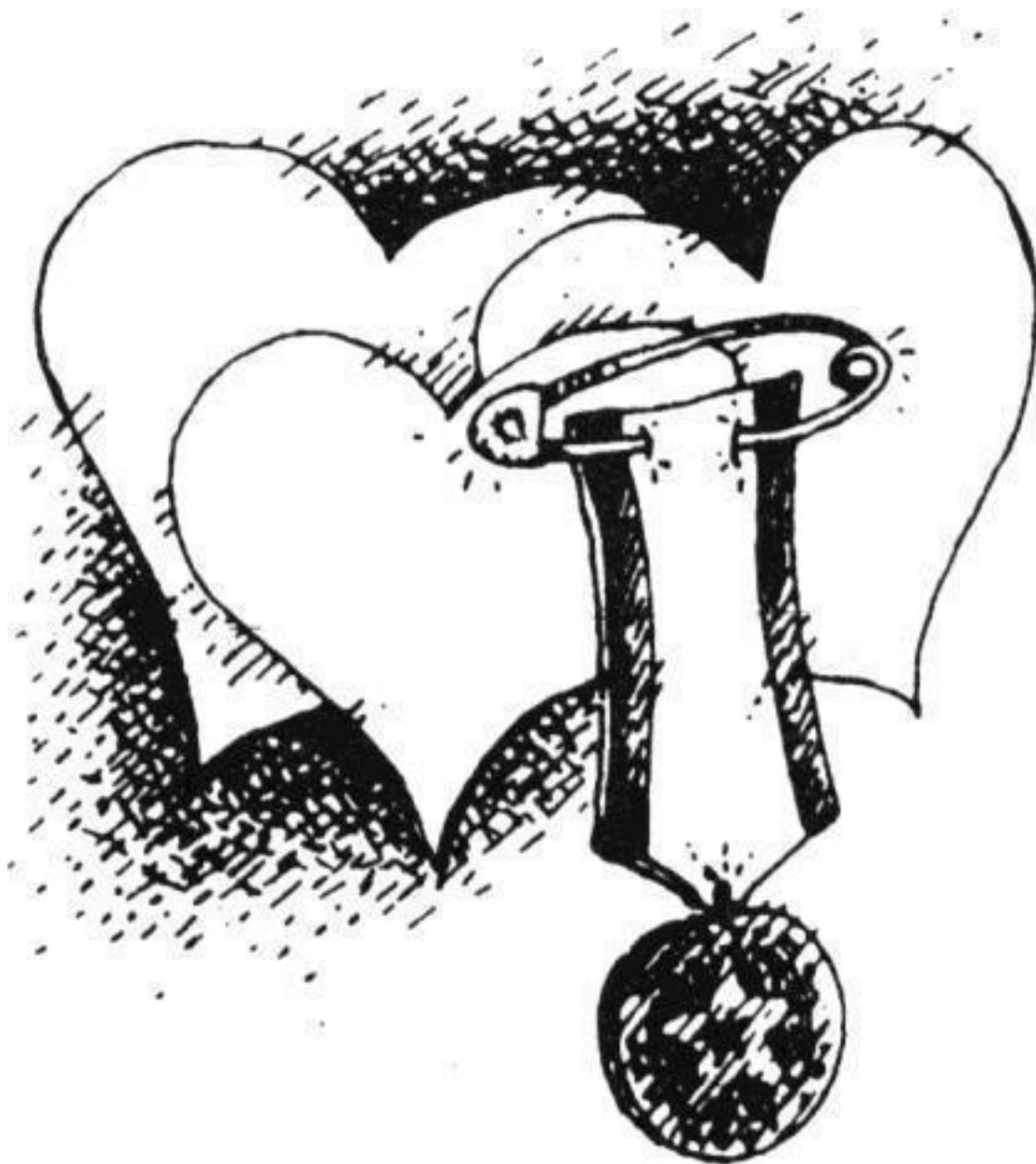
– Ой, как лекарство тебе помогает! Ты же их сам отдал в МИМО.

Николай Петрович обрадовался: ничего не помнит. А то раньше, бывало, проснется ночью и все помнит: сколько дал, сколько взял – хоть кричи! А теперь – красота! Одно плохо – думать пока может.

– А чего они не заходят? – спросил Шабашов.

– Некогда им, учатся. И подрабатывают. Один – послом в Занзибаре, другой – атташе в Антарктиде.

– А у нас с Антарктидой хорошие отношения? – спросил Шабашов.

– С Антарктидой – хорошие, – ответила Лиза. – Ты иди мойся, а то опоздаешь, – спохватилась она.

Шабашов сел на край ванны и включил душ в стенку.

Мыться он не хотел, любовницу он ненавидел.

– Колюня, – послышалось из-за двери, – ты не забыл, где вы встречаетесь с любовницей?

– Конечно, забыл. Что я, лекарство зря принимаю? А где?

– В заповеднике. Оттуда звонили, сказали, лосята уже подросли, пора отстреливать. А лосята, говорят, такие чудные, смышленные, как люди. Сами подходят и головы – под ствол.

Николай Петрович всплакнул. Жалко лосят.

– Ты уж, Колюня, съезди, отстреляй, – продолжала Лиза из-за двери, – а то соседи слух пустят, что тебя сняли, раз не браконьеришь.

Николай Петрович вышел из ванной совсем раскисший. «Бедные лосята, проклятая любовница», – думал он.

Николай Петрович обнял Лизу и сказал грустно:

– Не хочу к любовнице.

– Ты что, Колюня! – отпрянула Лиза, – Давай езжай, не опаздывай. Любовницы это не любят.

Николай Петрович вздохнул и вышел на улицу.

– Эх, Витек, – говорил он по дороге персональному шоферу, – если меня с должности попрут, как же ты без меня будешь?

– Продержусь! – жизнерадостно отвечал Витек, – Я же в душе инвалид войны.

– В душе мы все инвалиды. А удостоверение у тебя есть?

– Вы же мне уже организовали.

– Все забыл, хорошее лекарство, – успокоился Николай Петрович.

– Куда едем? – спросил Витек.

Шабашов сказал:

– Ты – к моей любовнице, я – на собрание. Хоть отосплюсь... Вот жизнь! – добавил он. – Так не хочется, а приходится жену обманывать.

Папаша Паша

Они мне утверждают: не надо кривиться, если рожа крива. Да как же она будет пряма, если уже обижают. Я же красавцем был до перестройки. Софи Лорен за автографом в очереди стояла. А теперь, конечно, лицо скривилось. И зафиксировалось.

А ведь какое лицо раньше было, красивое. А главное – ответственное. Кланом я в нашем городе руководил. Кланом Собакиных.

Да когда я звонил в гастроном и говорил, что это я, папаша Паша Собакин, у меня только спрашивали: когда и сколько? Потому что куда и что именно – знали!

А началось как-то все неожиданно. Звоню я в прокуратуру и сажу Сорокина на пять лет. Мешал он нам. И тут вдруг его выпускают через четыре. Дня. Чувствую, чья-то рука мешает в городе руководить. Тогда я выпустил на волю Червякова. Чтобы он, значит, по этой руке чикнул. Но его тут же схватили и посадили обратно. Я думаю, во жизнь пошла! Никого не посади, никого не выпусти. Ну, беззаконие жуткое!

Я говорю, в чем дело? А мне говорят, что клан Кошкиных в силу входит.

Ну, кто же раньше этих Кошкиных в расчет мог взять? Так себе кланчик, средний. Руки нам лизали, в глаза заглядывали. Ну, были у них в городе кое-какие должностишки, кое-что контролировали. Но чтобы против нас, Собакиных, – упаси бог! Такого не было.

Дальше – больше. Эти Кошкины начали хитростью брать. Подослали своих мордобойцев и побили одного нашего товарища. Сильно. Ему на коллегии выступать, а он все путает. Понос с аппендицитом путает. Кофе – с коньяком. Да еще синяк под глазом. Загримировал я ему лицо. Под синяк. Синяк больше лица был. Загримировал. Лицо еще красивше стало. И пошел он выступать. И хорошо там выступил. Выпросил даже не две медали, а два ордена! Но для Кошкиных! Перепутал, собакин сын! Вот как побили.

Ну, тут Кошкины осмелели и вообще впереди лозунгов побежали. И в городе посты под шумок перестройки заняли. И посыпались мы, Собакины, кто куда.

Теперь больничный по уходу за собой не возьмешь. Сейчас Кошкины за собой ухаживают. В нашей финской бане не помоешься. Сейчас там Кошкины грехи смывают. А если я хочу бутерброд, например, с чемнибудь, то пожалуйста мне – бутерброд с хлебом. Во как все обернулось!

До смешного доходит. Клан Кошкиных намариновал на зиму два миллиона рублей. В двухлитровых банках. Это они этого миллионера из Каракалпакии окаракалпачили. А мы, Собакины, рты открыли и завидуем. Скисли. Будто чая хлебнули вместо коньяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.